

И.Н. РАЙКОВА
(Москва)

ГЕРОЙ-РЕБЕНОК В СОВРЕМЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

В последние десятилетия детская, зачастую потаенная от взрослых традиционная культура и детский фольклор всё более привлекают внимание исследователей — фольклористов, этнографов, психологов, педагогов, культурологов. Однако образ самого ребенка, безусловно воплощенный в детском фольклоре (так как создателя обычно привлекает герой, близкий ему самому), до сих пор не стал предметом специального рассмотрения; отдельные суждения о нем разбросаны по различным работам.

На наш взгляд, героев-детей большинства жанров детского и подросткового фольклора объединяет то, что они нарушают явные и неявные запреты взрослых, ведут себя не так, как от них требуют или как принято, а нередко выходят далеко за пределы дозволенного. В этом отношении образ ребенка, вероятно, наследует черты сказочного шута, в свою очередь восходящего к архаической культуре¹.

Психолог М.В. Осорина в монографии «Секретный мир детей в пространстве мира взрослых» много внимания уделяет тяге детей к недозволенному: «Какая-то непонятная, но могучая сила наперекор разуму и страху влечет детей к тому, чтобы переступить эти запреты или по крайней мере постоять у опасного порога и пережить нечто исключительно важное, без чего будет трудно жить дальше» [Осорина 2000, 79]. И если в реальной жизни это не всегда возможно, то в рамках художественного мира собственных творений — вполне.

¹ Ю.И. Юдин пишет о шуте в монографии «Русская народная бытовая сказка»: «Он везде возбуждает смятение, будит тревогу, всех задевает, никого не оставляет в покое». Его оружие — уничтожающий смех — «основан на обесмысливании обычных, "нормальных" и привычных житейских отношений, поступков и представлений, на приведении их к абсурду или на вскрытии абсурда, в них заложенного, но не всегда заметного рутинному уму» [Юдин 1998, 99].

Именно в этом выражается, скажем, в песенном творчестве желанная свобода детей, «вырвавшихся» от родителей в летний лагерь. Та же М.В. Осорина замечает: «Вообще же ... гармоничное единство интересов взрослого и ребенка — быть взаимно видимыми и достигаемыми в пространстве мира — характерно для первых лет жизни ребенка. Чем старше он становится, тем больше ему хочется выпасть из поля зрения взрослых и, соответственно, из-под их контроля» [Осорина 2000, 62]. Конечно же, только в песне эта свобода, самостоятельность абсолютны — в реальности же весьма относительны. Дети, по сути, упиваются своей мечтой о свободе, игрой в «праздник непослушания». Приведем фрагменты из песни:

*Где бы нам водички раздобыть,
Чтобы наши рученьки помыть?
Мы на ручки поплюем,
Полотенцем разотрем,
Чап-чап-чап-чап-чалим. <...>*

*Долго нас на танцы не пускали.
Мы, конечно, сами убежали.
А вожатые боятся,
Что мы можем повлюбляться,
Чап-чап-чап-чап-чалим.*

*Долго нас на речку не пускали.
Мы, конечно, сами убежали.
А плаврук за нас боится,
Что мы можем утопиться,
Чап-чап-чап-чап-чалим.*

*Папа с мамой в лагерь нас послали,
Чтобы мы спокойно отдыхали,
А мы взяли да влюбились,
А мы взяли — утопились,
Чап-чап-чап-чап-чалим.*

[Архив МГПУ. Самозапись студентки Е. Грудзенко (23 года) в Москве в 2001 г. по воспоминаниям. Шуточная песня пелась в пионерских лагерях в 1980-е гг.]

Нарушение запретов здесь не приводит к беде, свобода торжествует, настроение, создаваемое песней, удивительно (скажу больше — заразительно) радостное.

Детская шуточная песня, как и большинство народных песен, оптимистична. Ликующая радость ощущается даже в ужасающей учителей картине школьного бунта, «бессмысленного и беспощадного», нарисо-

ванного в песенке-перелицовке романтической песни бременских музыкантов:

*За каникулы задачи все забудем
И домашку делать мы не будем.
Нам училки выставят по «двойке» —
Мы журналы выкинем в помойку
И училок всех зашлем на стройку!*

[Архив МГПУ. Запись студенток В. Алешинной и О. Матяшовой в Москве в 2001 г. от Ани Рыбкиной (12 лет). На мотив песни «Ничего на свете лучше нету...» из м/ф «Бременские музыканты» (муз. Г. Гладкова)].

Перед нами более чем «антиповедение» — это действия воинствующие, агрессивные. Однако психологически они тоже оправданы. Маленький человек еще не может внутренне превозмочь агрессию, и хорошо, что фольклорная традиция вырабатывает такую «отдушину», через которую, по выражению М.В. Осориной, «можно выпустить внутренние пары» [Осорина 2000, 95].

Психологической реакцией отторжения многочисленных навязываемых взрослыми полезных советов, сопровождающих жизнь ребенка от рождения (мой руки перед едой, клади вещи на место, сиди за столом прямо, не разговаривай с набитым ртом, говори «спасибо», вовремя делай уроки, не списывай у соседа и т.п.), порождены и так называемые «вредные советы». Это совершенно новое жанровое образование в детском творчестве, имеющее известный литературный источник («Вредные советы» Григория Остера), но органично входящее в устную традицию.

*Если ты опять забыл выучить уроки,
То ищи большую лужу в школу по дороге,
С головой ныряй в нее со всего размаху,
И тогда учитель твой тебя не узнает.*

[Архив МГПУ. Записано студенткой Е.Ю. Спиридоновой в Москве в 1997 г. от второклассницы Кати Кузиной].

*Если вынес ты помойку,
Руки мыть ты не спеши:
Облизни их от души!
На контрольной не зевай:
Списывай быстрей давай!*

[Архив МГПУ. Записано студенткой М. Шаповаленко в Москве в 2001 г. от Лены Гавинской (11 лет)].

Интересно, что и в детском анекдоте ребенок смеется над «взрослыми» полезны-

ми советами и запретами, доводя их до абсурда. Есть своеобразные по форме анекдоты-фразы. Реплика приписывается взрослому, а адресуется ребенку — Вовочке, самому плохому мальчику русских анекдотов:

*— Вовочка! Не ешь немывтые фрукты! И вообще, отойди от помойки!*²

— Вовочка! Не пей некипяченую воду! И вообще, отойди от унитаза!

— Вовочка! Не грызи ногти! И вообще, отойди от покойника!

[Архив ОЗГПИ. Записано студенткой М. Лапиной в г. Орехово-Зуево Московской обл в 1988 г. от Ромы Иванова (13 лет)].

Начало такого анекдота — имитация полезного совета. Далее срывает эффект обманутого ожидания. Дело в том, что взрослый в своем запрете или совете использует привычную схему, вписывая предполагаемое поведение ребенка в некие заданные границы. Поведение Вовочки явно разрушает эту заданность, потому исходный совет оказывается смешным своей узостью, недостаточностью. Требуется конкретизация, больше пугающая, шокирующая, пожалуй, самих взрослых.

Во многих детских страшных рассказах (страшилках), как и в сказках и ряде мифологических рассказов взрослых, завязкой также является нарушение героем запрета. Действия юного героя — явная негативная реакция на ничем не мотивированные запреты родителей. На это указывает М.Н. Мельников: «За пределами логики остаются мотивы, которыми руководствуются родители (старшие), не желающие (запрещающие) покупать требуемый ребенком предмет, ... и ребенок, требующий (приобретающий) именно эти предметы» [Мельников 1987, 80]. По законам данного жанра нарушение запрета приводит к ужасным последствиям: происходит беда — исчезновение или смерть близких и угроза жизни самого ребенка. Мальчик купил черный приемник — появилась женщина с красным зубом, всех убила; девочка включила зеленую пластинку — ее маму расчленили, а ее саму задушили зе-

² О помойке, свалке как объекте, «увеличивающем степень свободы в поведении ребенка», и как «поле творческих экспериментов», «потенциальной сокровищнице» см.: [Осорина 2000, 95 и след.].

ленные глаза; девочка стерла пятно крови на паркете — ее чуть не задушила прилетевшая белая простыня и т.п. При этом герой-ребенок, что тоже странно с точки зрения «взрослой» логики, не учится на своих ошибках. Он настойчиво нарушает тот же или подобный запрет во второй, в третий раз («сказочное» утроение эпизодов, возможен почти дословный повтор) и, хотя и пугается, не отчаивается и вовсе не раскаивается в содеянном. Так, дети семи-восьми лет с удовольствием рассказывают следующую «страшилку эффекта» («пугалку»):

Черная флейта

Приехали дети в пионерский лагерь, а там был музыкальный кружок. Одна девочка захотела играть на флейте. Ей сказал преподаватель: «Любую флейту бери, только черную не бери!». Взяла она черную флейту. Ночью просыпается девочка, смотрит: ее лучшей подруги нигде нет. Вышла девочка в коридор, а там лежит ее подруга без крови, а рядом — черная флейта.

На другой день девочке говорит преподаватель: «Любую флейту бери, только не черную!». Она не послушалась. Ночью просыпается, смотрит: другой ее подруги нигде нет. Вышла девочка в коридор, а там лежит ее подруга без крови, а рядом — черная флейта.

На третий день преподаватель сказал девочке: «Любую флейту бери, только черную не бери!». Она взяла черную. Просыпается ночью, смотрит: третьей подруги нет. Вышла девочка в коридор, а там — ее подруга без крови, а рядом лежит черная флейта! Девочка схватила нож, разрезала черную флейту, а оттуда ... вылилась ВСЯ-ВСЯ КРОВЬ!!! (последние слова кричат. — И.Р.).

[Архив МГПУ. Записано студенткой А. Черных в г. Пскове в 2001 г. от школьников 7 — 8 лет].

Кажется, что герой-ребенок проводит опасный эксперимент, который хочет довести до конца несмотря ни на что. В рамках художественного мира страшилки это попытка перешагнуть некую грань допустимого и посмотреть, что же случится. И появляются свои варианты ответа на вечный детский вопрос, столь не любимый взрослыми и обычно следующий за запретом: «А что будет, если...?». Да, может быть и ужасная и невероятная смерть как кара за чрезмерное любопытство. Но всё же часто ребенок в страшилке разоблачает демонологическое смертоносное существо. Не чудом, а хитростью, сообразительностью либо по

какому-то наитию он спасается и даже возвращается к жизни — совсем уж вопреки нормальной «взрослой» логике — погибших родных. «Уход близких здесь мыслится как некое временное состояние» [Чередникова 1995, 116]. Именно младший в семье оказывается более смелым, мудрым и удачливым. Такое детское самосознание соответствует и взрослым древним мифологическим представлениям о мистической природе детства, об особой сакральной силе и мудрости ребенка. Ребенок в детском фольклоре самоутверждается за счет взрослых. Вот финал страшилки «Белые шторы»:

<...> Потом шторы говорят отцу: «Отец, встань». Он встал. «Оденься». Он оделся. «Умойся». Он умылся. Шторы и его задушили. Потом шторы обратились к сыну: «Сын, сын, встань». Потом шторы говорят: «Сын, оденься». А сын только встал. «Умойся». А сын только оделся. Шторы взяли себя и задушили. А мать, дочь, отец ожили и стали вместе жить.

[Архив НГПИ. Записано М.Н. Мельниковым в 1978 г. в д. Захаровка Болотнинского р-на Новосибирской обл. от Светы Даниловой (9 лет)].

Очевидно, детям присуща какая-то неосознанная, природная, утрачиваемая с возрастом вера в конечную победу добра и уверенность в собственных силах. Но даже если смерть близких необратима, действия юного экспериментатора не бесполезны: они раскрывают природу, механизм носителя зла.

<...> Девочка осталась одна. Ей стало страшно, она заявила в милицию. Милиционеры разобрали пианино, а там сидит подружка девочки и нажимает на кнопки. А на дне пианино мертвые отец, мать и брат.

[Архив НГПИ. Записано И.В. Югановой, Т.В. Филатенко, Н.М. Линевой, И.Н. Набойченко в Бердском совх. Искитимского р-на Новосибирской обл. от Наташи Лоськовой (11 лет)].

<...> Осталась она одна. Тогда девочка решила снять черные занавески. Когда она стала их снимать, она увидела черное пятно. Черное пятно бросилось на нее, и они стали бороться. Все-таки девочке удалось убить черное пятно. Когда она убила черное пятно, она увидела за занавесками всех своих родных, только уже мертвых.

[Лойтер 1998, 110. Записано О. Савиной и М. Кожевиной в 1992 г. в г. Петрозаводске от Ж. Трофимовой (10 лет)].

В так называемых «антистрашилках» и вовсе страхи оказываются напрасными. «В пародийных рассказах мистическая сила оказывается бессильной перед остроумной выдумкой человека или нелепо смешной, а потому и нестрашной» [Чередникова 1995, 158]. Увидеть же истинное — смешное и трогательное — лицо «псевдодемонического» существа опять-таки может именно ребенок с его бесстрашием, с его способностью выйти за пределы общепринятой логики, взглянуть на явление непредвзято и, подобно герою Г.-Х. Андерсена, обнаружить: «А король-то голый!».

<...> Девочка ничего не обращала внимания, она не волновалась, она просто сидела играла. Вдруг к ней вкатывается этот самый Гроб на колесиках. Она взяла метлу, да как даст по этому Гробу на колесиках! Оттуда вылез Черт и говорит: «Ты чего мою бибику сломала, будешь с моей мамой обсуждать!».

[Архив МГПУ. Записано студентом А. Алдашевым в г. Москве в 2001 г. от младшей сестры Лены Алдашевой (11 лет)].

Подобный же страшный, рискованный эксперимент ради возможности оказаться на границе двух миров, заглянуть хоть на секунду в «запретную зону», пережить некий сладкий ужас ребенок совершает, участвуя в ритуале «вызывания» современных детских мифологических персонажей (Пиковой дамы, Жвачного короля, гномиков и др.) или пересказывая / слушая рассказы о таких «вызываниях». Эта относительно поздняя и преимущественно городская традиция воплощается и в самих ритуалах (с минимальной словесной формулой, например: «Гномик, приди!»), и в рассказах-«рецептах», практических руководствах, «как вызывать», и в психологизированных мемуарах о том, «как вызывали» (порой с морализаторскими рассуждениями на тему, «надо ли вызывать»). Главным героем таких повествований, естественно, выступает сам рассказчик или другой ребенок — организатор или рядовой участник «вызывания». В ракурсе нашей темы весьма любопытно то, что на вопрос, «надо ли вызывать», рассказчик в абсолютном большинстве случаев дает отрицательный ответ — «Лучше этого не делать!». Получается, что в рамках данной традиции дети нарушают запрет, исходящий не от какой-либо авторитарной силы (взрослые об этих забавах вообще

могут ничего не знать), а выработанный в детской же среде, часто свой собственный:

Как вызывали-то? Просто: брали зеркало, маленькое, обыкновенное зеркало. <...> Если честно, я уже не помню что, но что-то рисовали губной помадой. И потом начинали вить страшным голосом: «Пиковая дама!!!» — душераздирающие вопли. Если честно, я один раз пробовала такое сделать... Потом надо было там чего-то стирать платочком. В результате, когда ты ее довызываешься — ох [Лена берет себя за горло. — Соб.], не советую тебе этого делать, потому что я еле не упала. Знаешь, вот у нас в школе лестница, да, такая, ну, во дворе — мы это там делали. И когда идешь, такое ощущение, как будто тебя кто-то душит. У меня еще не очень сильно — другие вообще идти не могли. Нас было человек пять. Я правду говорю, на самом деле было такое ощущение... [Собиратель: А что об этой Пиковой даме рассказывают?] Эти девчонки сами <...> говорили, что лучше этого, в принципе, не делать, поскольку рассказывают такую историю (я не знаю, правда это или нет, «былина», можно сказать)... Что, в общем, некоторые вызывали-вызывали, довызывались — вплоть до гибели доходило. Начинала их Пиковая дама мучить. [Собиратель: Как мучить?] По-разному. И душит, в общем, всё возможно. В конце концов, она их доводила уже... до конца их додушивала, держала... Я делала один раз только, и то я очень долго не могла оправиться, а другие раз по пять, по семь делали. Им уже настолько плохо становилось, что они уже даже стоять не могли... <...> [Собиратель: Когда это лучше делать: днем, утром, вечером?] Без разницы, но лучше этого не делать ночью. Я тебе скажу точно, ночью никто не пробовал делать не потому, что все спят. [Собиратель: Потому что все боятся?] Потому что Пиковая дама ночью выходит на свободу. И тогда можно уже совсем... <...> Ну, если один раз вызвал, допустим, то лучше ее больше не вызывать, иначе, чем больше ты ее вызываешь, тем больше риск того, что она придет ночью и задушит. [Собиратель: То есть она сама даже может прийти?] Если ты очень много раз это будешь повторять, то естественно. И ни в коем случае не надо делать это подряд. Но я вообще не советую этого делать, я просто делала из любопытства. Я один раз сделала, больше не захотелось. Правда, я не знаю, зачем повторять... Особенно узнав, как это плохо. Она может и до конца додушить, если ее второй раз вызовешь...

[Архив МГПУ. Записано студентом А. Алдашевым в г. Москве в 2001 г. от младшей сестры Лены Алдашевой (11 лет)].

Интересно, что никакой прагматической цели ритуал «вызывания» не преследует, в отличие, скажем, от календарных, семейных обрядов, заговорно-заклинательной практики. Загадывание вызываемому сверхъестественному персонажу «доброе» или «злого» желания, что нередко практикуется, — это скорее предлог и некое психологическое оправдание. Показательно, что дети даже забывают сказать, сбылось ли потом желание: им достаточно того, что они чувствовали приход и уход вызываемого существа. Это прежде всего эксперимент над самим собой: выдержу или не выдержу, до какого момента дойду, а где придется остановиться? М.В. Осорина убедительно пишет об ощущении ребенком своего личного предела в самоиспытании, будь то самостоятельная прогулка, выбор ледяной горки и способа катания с нее, освоение игровых конструкций на детской площадке и т.п., — «во всех этих случаях психически здоровый ребенок интуитивно чувствует, где ему надо остановиться, чтобы в целостности вернуться обратно» [Осорина 2000, 85]. Думается, и магически-игровые «вызывания» вписываются в этот ряд.

Иной случай представляет собой не прямое, а завуалированное нарушение запрета героем детского фольклора. Это действия с «опозданием» на один шаг, а также логическая перестановка в действиях и словах, как в небылицах-перевертышах, которыми взрослые, забавляя, развивают детей. Типологически и, возможно, генетически это свойство связано с «дурацкой» логикой сказок типа «Набитый дурак» (АТ 1696). Выше уже цитировалась страшилка, где юного героя только и спасло опоздание на один шаг и образовавшееся несоответствие его действий приказам Белых штор. Детская традиция бунтует против бездумного, беспрекословного подчинения, поступков по схеме «делай, что тебе говорят». Ребенок самоутверждается еще и за счет того, что его недостатки в жизни (медлительность, действия невпопад) в подобном сюжетном контексте «оборачиваются достоинствами и приобретают ... функцию магических средств воздействия на зловещую силу авторитарного неумолимого голоса» [Чередникова 1995, 104].

В анекдотах логическая перестановка оказывается еще более необходимой. Так, герой одного из них, Незнайка, которого так называли не по аналогии с героем Н. Но-

сова, а по его основному качеству (он на самом деле ничего не знает, спрашивает о самых простых вещах), после подробных разъяснений отца отвечает на уроке:

<...> Пошел Незнайка снова в школу. Учительница спрашивает:

— Ну, что надо сделать, если друг уезжает?

— Надо кинуть ему спасательный круг.

— Что надо сделать, если друг тонет?

— Надо бросить ему цветы и помахать рукой.

— Что надо сделать, когда большая очередь?

— Надо разогнать всех палкой.

— Что надо сделать, если друга бьют?

— Надо подойти и спросить, кто последний...

[Архив ОЗГПИ. Записано студентками Т. Мартынушкиной и др. в г. Электросталь Московской обл. в 1989 г. от Маши Логиновой (6 лет)].

Ребенок лет четырех-шести, слушатель и рассказчик подобных анекдотов, смеется, как и над небылицами-перевертышами, оттого, что ему-то уже точно известно, что «так не бывает». Это смех от торжества собственного знания и чувства превосходства над глупым героем, который всё перепутал.

Однако данный анекдот и подобные ему интересны не только маленьким детям. Присмотримся повнимательнее к «неправильным» ответам Незнайки: нет ли здесь детского лукавства, скрытой иронии над несоответствием того, чему мы учим детей (опять же полезные советы!), тому, что зачастую реально происходит во взрослом мире? Пытаемся влезть без очереди, расталкивая всех; отворачиваемся от «тонущего» друга; ввязываемся в драку, не разобравшись, в чем дело и т.д.

Сознательное нарушение логики присуще и поэтике детских дразнилок. Детям, в отличие от взрослых, не свойственны длительные ссоры, злопамятность: за «накалом страстей» следует психологическая разрядка, используются мирилки и отговорки, ситуация и повод для обидных слов быстро забываются, а удачно найденные образ и рифма могут остаться, чтобы возродиться в иное время, по другому поводу. При этом часть дразнилок обличает реальные недостатки детей: ябедничество, жадность, несамостоятельность мыслей и действий, нечестность, нерасторопность, нечистоплотность, болтливость, распушенность, высокомерие и проч. Но эти качества преподносятся в таком гиперболизированном виде,

что становятся смешными (всем, кроме объекта насмешки) именно своим несоответствием действительности. Недостаток, неблагоприятный поступок ребенка обычно только повод, импульс для фантазии других детей. Фантазия уводит их далеко, и в вымышленном микросюжете герой-ребенок, только очень отдаленно напоминающий своего прототипа, опять же нарушает все возможные запреты и нормы поведения:

Коля-моля-Селенга

Съел корову да быка,

Пятьдесят поросят,

Одни косточки висят.

[Виноградов 1998, 68 (№ 72)].

В других текстах ребенку приписываются привычки взрослого. Именно несоответствие поведения возрастному стереотипу вызывает смех:

Мишка-дурак

Курит табак,

Спички ворует,

Девчонок целует,

Дома не ночует.

[Архив НГПИ. Записано С. Акимовой в 1981 г. в с. Зыково Венгеровского р-на Новосибирской обл. от Н. Казариной (1963 г.р.)].

Подавляющее же большинство дразнилок (именно они и порождают резко негативную реакцию воспитателей и учителей) высмеивает имя и фамилию ребенка, его физические недостатки, национальность, пол. Очевидно, что сатирой эту сферу детского поэтического творчества можно назвать очень условно. Тем не менее подобные дразнилки могут быть объективно полезны формирующейся личности как психологический тренинг: они развивают открытость, чувство юмора и терпение, умение не обижаться по пустякам. На наш взгляд, все дразнилки прививают ребенку способность постоять за себя, без которой не научишься общаться с равными на равных. Образ же ребенка в таких произведениях еще менее правдоподобен, фантазия уводит еще дальше. Так, мальчика / девочку здесь изображают женатым мужчиной / замужней женщиной, что, вероятно, должно вызвать смущение адресата насмешки:

Катя, Катя, Катерина,

Нарисована картина,

Катя с мужем подралась,

И картина повалась...

[Архив ОЗГПИ. Записано студентками Т. Мартынушкиной и др. в г. Электросталь Московской обл. в 1989 г. от Димы Шмаликова (6 лет)].

Нередко ребенок уподобляется животному (чаще домашнему, более знакомому) по созвучию его имени и названия животного и далее действует уже в соответствии со своей «животной» природой:

Васька-Васёнок —

Худой поросенок:

Ножки трясутся,

Кишки волокутся.

[Архив НГПИ. Записано С. Акимовой в 1981 г. в с. Зыково Венгеровского р-на Новосибирской обл. от Н. Казариной (1963 г.р.)].

Петька-петух

На завалинке протух,

Яичко снес,

На базар понес.

На базаре не берут,

Петьку за уши дерут!

[Архив НГПИ. Записано С. Акимовой в 1981 г. в с. Зыково Венгеровского р-на Новосибирской обл. от Н. Казариной (1963 г.р.)].

Поведение героев таких дразнилок не просто не соответствует принятым в обществе нормам — оно абсурдно. Однако детей привлекает именно это качество. Дразнящие упиваются своей свободной фантазией, создающей особый мир. Он не похож на настоящий, но напоминает мир известной им с более раннего возраста небылицы.

Как своеобразное нарушение негласного запрета можно рассматривать и случаи, когда герой-ребенок подражает взрослому в словах и / или поступках. Ведь взрослый уверен: не всё из того, что позволено ему, позволено и ребенку. Результат получается непредсказуемым и зачастую жестоким по отношению к взрослому. Но виноват в нем в большей степени сам взрослый герой: здесь мы встречаем общефольклорный мотив наказания за неосторожное слово. Приведем детскую драматическую сценку, в основе которой лежит анекдот:

Бабушка и Внучка

Идут бабушка с внучкой по лесу. Внучка увидела на траве яблоко и спрашивает у бабушки:

— Можно я возьму его?

— Нет, внученька, что валяется, то не поднимается!

Идут они дальше. Внучка видит грибочек и спрашивает у бабушки:

— Можно, я его возьму?

— Нет, внученька, что валяется, то не поднимается.

Идут они дальше, а впереди канавка. Внучка ее перепрыгнула, а бабушка прыгнула и упала в эту канавку. Она говорит внучке:

— Помоги мне встать!

— Нет, бабушка, что валяется, то не поднимается!

[Архив МГПУ. Записано студенткой Н. Волковой в Москве в 2001 г. от Иры Крюковой (12 лет)].

Когда же неосторожное слово взрослого прямо связано с действием и в них сказывается легкомысленное, неуважительное отношение к ребенку как к игрушке, это наказывается еще более сурово. В подростковом жанре жестокого («садистского», как его называют исследователи) стихка, как известно, жестокость представителей разных поколений по отношению друг к другу достигает чудовищных, нечеловеческих размеров, целиком переходит в область условно-фантастическую, потому и вызывает у подростков детей, отторгающих от себя данную модель поведения, не страх, не скорбь и отчаяние, а смех. В ряде сюжетов жестоких стихков можно наблюдать именно вышеназванный тип неявного нарушения запрета — действие в подражание взрослому.

*Мальчик в деревне на вишню полез,
Дедушка вынул свой старый обрез.
Выстрел ночную тишь разорвал:
Мальчик свой браунинг раньше достал.*

[Архив ОЗГПИ. Записано студенткой М. Лапиной в пос. Правдинский Московской обл. в 1989 г. от младшего брата Алеши Лапина (10 лет)].

«Любящие» мамы и папы, дедушки и бабушки, «добрые» дяденьки и тетеньки, с одной стороны, и «маленькие» мальчики и девочки — с другой как будто соревнуются в изощренной жестокости. Иначе и быть не может. Очевидно, что зло порождает только зло, агрессия вызывает ответную еще более агрессивную реакцию.

*Бабушка внучку очень любила,
Мину в кровать она ей подложила.
Ночью в квартире раздалась два взрыва:
Внучка бабуся тоже любила.*

[Архив МГПУ. Записано студенткой С. Михайловой в Москве в 2001 г. от младшего брата Олега Михайлова (12 лет)].

Хочется, однако, обратить внимание, что в жестоких стихках первым косвенно копирует детское поведение именно герой-взрослый, ребенок же отвечает ему. Взрослый поступает так, как, по расхожему представлению, обычно ведут себя дети. Ведь жестокость героя-взрослого — либо преувеличенно-неадекватная, прощительная только сказочному дураку реакция на поступок ребенка (в первом из приведенных примеров), либо абсолютно не мотивированная, доведенная до абсурда шалость (во втором).

Необходимо заметить, что отсутствует четкая грань между собственно жестокими стихками и пародиями на них (так называемыми «добрилками» или «хэппиэндками»), еще только входящими в фольклорную традицию, — стихками, в которых ситуация, ко всеобщему облегчению, должна неожиданно благополучно разрешиться. Часть из них отличается от жестоких стихков лишь заменой взрослого персонажа. Вместо близкого родственника ребенка, от которого в нормальном, неперевернутом мире ждешь только добра, или «нейтрального» взрослого, от которого, по крайней мере, не ожидаешь зла, выступает заведомый носитель зла, жестокий «по определению» герой, например «маньяк»:

*Девочка шла домой через парк.
В кустиках ждал какой-то маньяк.
Не было слышно ни крика, ни писка.
Молча пришибла его каратистка.*

[Архив МГПУ. Записано студенткой С. Михайловой в Москве в 2001 г. от младшего брата Олега Михайлова (12 лет)].

Холодная жестокость девочки («молча пришибла») как реакция даже не на действие, а на смутно угадываемое намерение взрослого трактуется здесь как победа добра над злом (и текст соответственно относится к «добрилкам») именно потому, что перед нами маньяк: так ему, мол, и надо. Однако преуспевшая в самообороне «каратистка» объективно вызывает не больше сочувствия, чем незадачливый «маньяк в кустиках». Не потому ли так художественно несостоятельны и менее смешны подобные тексты? Ведь только в дантовском аду (опять же некоем перевернутом мире) же-

стокое обращение с нераскаившимся грешником должно расцениваться как добродетель.

Трудно не согласиться с М.П. Чередниковой, трактующей жестокие стишки как стадию разложения мифологического сознания детей. С точки зрения ученого, «за множеством социальных масок: "маленький мальчик", "девочка", "дети", "мать", "отец", "учитель", "дядя", "тетя" и т.п. возникает личина робота, зомби, сеющего смерть. <...> Персонажи "садистских стишков" — оборотни, только внешне напоминающие людей» [Чередникова 1995, 168]. Однако в свете сказанного ранее очевидно, что эти оборотни — лишь гротескные, искаженные образы тех же детей, действующих в других жанрах детского фольклора. И «антимир» жестоких стишков, опасный для жизни, — это увиденный через кривое зеркало реальный мир.

Фантасмагорические картины, окрашенные черным юмором подростков, подражательны, пародийны и в широком понимании. Представляется, что это пародия на взрослое равнодушие к столь характерной для нашего бурного века жестокости, безликим взором смотрящей на нас с газетных полос и экранов телевизоров. После трагических терактов в разных городах мира жестокие стишки и вовсе перестали быть смешными не только для взрослых, но и для многих детей.

*Маленький мальчик гранату нашел,
С этой гранатой гулять он пошел.
Взрыв прогремел у подъезда внепланово.
Уши — в Коньково, а ноги — в Чертаново.*

[Архив МГПУ. Записано студенткой С. Михайловой в Москве в 2001 г. от младшего брата Олега Михайлова (12 лет)].

*Маленький мальчик зенитку нашел —
ТУ-104 в Москву не пришел.*

[Архив МГПУ. Записано студенткой С. Михайловой в Москве в 2001 г. от младшего брата Олега Михайлова (12 лет)].

Кажется, что возникшие в 80-е годы XX в. тексты стали зловещим пророчеством реальности нового века.

Итак, кто же он — герой-ребенок современного детского фольклора? Маленький человек, который смотрит на наш старый... (боюсь сказать «добрый») мир свежим

взглядом и составляет себе непредвзятое мнение о нем; который поступает наперекор существующим нормам, авторитарной силе и нередко побеждает (если не зло, то свой страх), оказываясь смелее и мудрее взрослых. Он самоутверждается, испытывает самого себя на пути обретения личностной свободы и самостоятельности, открывает свое место в этом мире. Наверное поэтому так «вписался» в сегодняшнюю детско-подростковую культуру английский юный чародей, нарушитель школьных правил и неутомимый экспериментатор Гарри Поттер [Роулинг 2002, а также последующие книги цикла]. При всех признаках «массово-литературности» книг о нем, усугубленной небрежным русским переводом, он по большому счету остается всё тем же героем-ребенком детского фольклора.

Литература

Виноградов 1998 — Виноградов Г.С. Детская сатирическая лирика // Виноградов Г.С. «Страна детей»: Избранные труды по этнографии детства. СПб., 1998. С. 35—76.

Лойтер 1998 — Детские страшные истории («страшилки»). Публикация С.М. Лойтер // Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А.Ф. Белоусов. М., 1998. С. 56—134.

Мельников 1987 — Мельников М.Н. Русский детский фольклор. М., 1987.

Осорина 2000 — Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 2000.

Роулинг 2002 — Роулинг Дж.К. Гарри Поттер и философский камень / Пер. с англ. И.В. Оранского. М., 2002.

Чередникова 1995 — Чередникова М.П. Современная детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. Ульяновск, 1995.

Юдин 1998 — Юдин Ю.И. Русская народная бытовая сказка. М., 1998.

Список сокращений

Архив МГПУ — Фольклорный архив Московского городского педагогического университета.

Архив НГПИ — Фольклорный архив Новосибирского государственного педагогического института.

Архив ОЗГПИ — Фольклорный архив Орехово-Зуевского государственного педагогического института.